

На собрании партийного актива Батуми

С докладом о состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в парторганизациях города на собрании партийного актива выступил секретарь Батумского горкома партии т. М. Зензалишвили.

— Задача сегодняшнего собрания актива, — сказал он, — состоит в том, чтобы обсудить состояние пропагандистской и агитационно-массовой работы в парторганизациях города, на основе большевистской самокритики вскрыть недочеты и наметить мероприятия, чтобы правильно расставить силы и перестроить нашу работу, поставить ее на службу основной задаче настоящего периода — подготовке к выборам в Верховный Совет СССР.

817 агитаторов и членов ведут повседневно массово-политическую работу на предприятиях и в учреждениях города. Агитаторы завода имени Сталина, паровозного и вагонного депо, хлебозавода простым, понятным языком разъясняют рабочим избирательный закон Советского государства, рассказывают им о текущих событиях в нашей стране и за рубежом, умеют увязывать общеполитические вопросы с конкретными задачами производства.

Для работы среди населения создано 26 агитункетов при домоуправлениях. Докладчик подробно останавливается на наиболее типичных недочетах в постановке пропагандистской и агитационно-массовой работы партийных организаций города, называет предприятия, на которых плохо поставлена массово-политическая работа. К таким относятся прежде всего обувная фабрика, судоремонтный и кожевальный заводы, базы Главнефтебаса.

Партийный горкома партии недостаточно связан с первичными парторганизациями, редко организует на местах групповые и индивидуальные консультации, слабо помогает агитаторам, лекторам и докладчикам.

По докладу развернулись оживленные прения.

Заведующая 1-м агитункетом тов. Шевченко рассказала, как проводится разъяснение Положения о выборах среди домашних хозяйств. В помещении агитункета установлен репродуктор, организуются коллективные слушания радиосредств, устраиваются коллективные посещения кино, музеев. Для домашних хозяйств проводятся лекции и доклады.

Секретарь парторганизации Главнефтебаса т. Смолдин признал, что агитационная работа на предприятии поставлена неудовлетворительно. Агитколлектив не работал уже полгода, за 9 месяцев вопросы агитационно-массовой работы только два раза обсуждались на партийных собраниях, да и то решения этих партийных собраний остались невыполненными.

Секретарь Батумского горкома комсомола т. Додзева рассказала о практике проведения политических бесед среди молодых избирателей, о постановке пропагандистской работы в связи с началом избирательной кампании в комсомольских организациях города.

Участники собрания говорили о необходимости уделять особое внимание практике инструктирования агитаторов, пропагандистов, докладчиков, занятых разъяснением «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». При городском парткабинете необходимо организовать агитколлектив для агитаторов, работающих среди домашних хозяйств, широко практиковать совещания по обмену опытом разъяснительной работы среди населения.

Собрание актива приняло практические мероприятия.

В обеденный перерыв на шелкоткацкой фабрике. Работницы знакомятся с «Положением о выборах в Верховный Совет СССР».

ИЗ ОПЫТА АГИТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

16 агитаторов выделено бюро парторганизации фабрики им. Берия для разъяснения избирательного закона. Много инициатив, подлинной любви к делу проявляют лучшие агитаторы фабрики, стремясь сделать свои беседы наиболее понятными и доходчивыми, ответить на многочисленные вопросы слушателей.

Всегда оживлены, многолюдны занятия, проводимые агитатором т. Коберидзе. Знакомая слушателям с Положением о выборах, излагая статью за статьей, она задерживается на вопросах, требующих более детального разъяснения. Возникает задумчивая беседа. Агитаторы умеют подбирать факты из местной жизни, выдержки из газетных и журнальных материалов для иллюстрации отдельных статей Положения.

Рассказывая о системе голосования в Советском Союзе и за границей, широко используя в беседах газетные сообщения о недавних выборах в Англию и во Франции, о предвыборных митингах в Греции, агитатор наглядно показывает своим слушателям преимущества советской избирательной системы.

Одна из первых бесед, проведенных ею, как раз и была посвящена этой теме: «Советская избирательная система — самая демократическая в мире».

На фабрике много молодежи, которая впервые будет принимать участие в выборах. Для работы с нею выделены подготовленные агитаторы. Разъясняя Положение о выборах, они проводят вместе с тем среди молодых избирателей беседы по отдельным статьям Конституции СССР.

Агитатор электростанции т. О. Казаря подготовил для молодежи пехальный альбом газетных вырезок на тему: «Демократия у нас и за рубежом». Пользуясь этим материалом, он проводит содержательную беседу на ту же тему. В другой беседе он рассказал молодым избирателям, что дала советская власть трудящимся.

Партийный кабинет готовит для молодежи цикл бесед «Из прошлого». Активное участие при проведении этих бесед примут старые рабочие фабрики. Они расскажут молодым избирателям, как проводилась

«выборы» в условиях самодержавия. Агитаторы прочтут отрывки из художественных произведений.

Бюро парторганизации решило провести на фабрике цикл лекций по отдельным статьям Конституции СССР, коллективное слушание граммофонной записи доклада товарища Сталина о проекте Конституции СССР.

Агитатор т. Чекуринский уже организовала коллективное слушание речи товарища Сталина на предвыборном собрании агитаторов Сталинского избирательного округа Москвы. Коллективное слушание выступления товарища Сталина в граммофонной записи проводится и в цехах, где агитаторами тт. Штальский, Бедашвили и Дзавашвили.

Паряду с беседами и докладами, проводимыми в цехах фабрики и в общежитиях, установлены постоянные дежурства консультантов по вечерам и в дневные часы. В парткабинете подобрана литература по выборам, необходимые справочные материалы, организована выставка.

Рассказывая о системе голосования в Советском Союзе и за границей, широко используя в беседах газетные сообщения о недавних выборах в Англию и во Франции, о предвыборных митингах в Греции, агитатор наглядно показывает своим слушателям преимущества советской избирательной системы.

Одна из первых бесед, проведенных ею, как раз и была посвящена этой теме: «Советская избирательная система — самая демократическая в мире».

На фабрике много молодежи, которая впервые будет принимать участие в выборах. Для работы с нею выделены подготовленные агитаторы. Разъясняя Положение о выборах, они проводят вместе с тем среди молодых избирателей беседы по отдельным статьям Конституции СССР.

Агитатор электростанции т. О. Казаря подготовил для молодежи пехальный альбом газетных вырезок на тему: «Демократия у нас и за рубежом». Пользуясь этим материалом, он проводит содержательную беседу на ту же тему. В другой беседе он рассказал молодым избирателям, что дала советская власть трудящимся.

Партийный кабинет готовит для молодежи цикл бесед «Из прошлого». Активное участие при проведении этих бесед примут старые рабочие фабрики. Они расскажут молодым избирателям, как проводилась

СОВЕЩАНИЕ АГИТАТОРОВ РАЙОНА

ТАГРА. (От наш. корр.). Как только был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о дне выборов в Верховный Совет СССР, парткабинет Тагринского райкома партии организовал выставку, посвященную этому знаменательному событию.

На видном месте вывешены плакаты с текстами Конституции Союза ССР и Конституции Грузинской ССР, подобрана различная литература в помощь руководителям агитколлективов, агитаторам, пропагандистам, не-

обходимый справочный материал.

Партийный кабинет готовит для молодежи цикл бесед «Из прошлого». Активное участие при проведении этих бесед примут старые рабочие фабрики. Они расскажут молодым избирателям, как проводилась

«выборы» в условиях самодержавия. Агитаторы прочтут отрывки из художественных произведений. Бюро парторганизации решило провести на фабрике цикл лекций по отдельным статьям Конституции СССР, коллективное слушание граммофонной записи доклада товарища Сталина о проекте Конституции СССР.

Агитатор т. Чекуринский уже организовала коллективное слушание речи товарища Сталина на предвыборном собрании агитаторов Сталинского избирательного округа Москвы. Коллективное слушание выступления товарища Сталина в граммофонной записи проводится и в цехах, где агитаторами тт. Штальский, Бедашвили и Дзавашвили.

Паряду с беседами и докладами, проводимыми в цехах фабрики и в общежитиях, установлены постоянные дежурства консультантов по вечерам и в дневные часы. В парткабинете подобрана литература по выборам, необходимые справочные материалы, организована выставка.

Рассказывая о системе голосования в Советском Союзе и за границей, широко используя в беседах газетные сообщения о недавних выборах в Англию и во Франции, о предвыборных митингах в Греции, агитатор наглядно показывает своим слушателям преимущества советской избирательной системы.

Одна из первых бесед, проведенных ею, как раз и была посвящена этой теме: «Советская избирательная система — самая демократическая в мире».

На фабрике много молодежи, которая впервые будет принимать участие в выборах. Для работы с нею выделены подготовленные агитаторы. Разъясняя Положение о выборах, они проводят вместе с тем среди молодых избирателей беседы по отдельным статьям Конституции СССР.

Агитатор электростанции т. О. Казаря подготовил для молодежи пехальный альбом газетных вырезок на тему: «Демократия у нас и за рубежом». Пользуясь этим материалом, он проводит содержательную беседу на ту же тему. В другой беседе он рассказал молодым избирателям, что дала советская власть трудящимся.

Партийный кабинет готовит для молодежи цикл бесед «Из прошлого». Активное участие при проведении этих бесед примут старые рабочие фабрики. Они расскажут молодым избирателям, как проводилась

Великий грузинский поэт

Сегодня народы Советской Страны, вместе с братским грузинским народом, торжественно чтут память великого грузинского поэта Николая Бараташвили.

«Мы знаем, как велики духовные и материальные богатства, духовные и материальные возможности наших братских народов, — говорил русский писатель Алексей Толстой. — И среди них мы особенно любим и ценим прекрасную Грузию и сокровища грузинской культуры».

В славной плеяде великих поэтов, мастеров художественного слова, вдохновенно создававших сокровищницу богатейшей культуры грузинского народа, почетнейшее место принадлежит Николаю Бараташвили.

Столетие отделяет нас от той мрачной эпохи, в которую рождались пламенные песни Бараташвили, наполненные благородной патриотической тревогой за судьбы своей родины, гордостью за человека-борца, устремляющего свою мысль вперед, прокладывающего своим поэтическим путем к счастью будущих поколений.

В своей поэзии Бараташвили воплотил лучшие традиции многовековой грузинской литературы — традиции пламенной любви к родине, неукротимую волю к борьбе за счастье своего народа.

Как Пушкин и Лермонтов в русской поэзии, так Бараташвили в грузинской одним из первых пропел социальные идеалы своей эпохи и со всей страстностью поэта — гражданин — привлек внимание поэзии к важнейшим социальным проблемам, волновавшим его современников. Общее у Бараташвили с Пушкиным и Лермонтовым — чувство возмущенного патриотизма, определение нравственного долга гражданина:

«И тот не человек, и сердце в том мертво,
Кто жил и для людей не сделал ничего».

Величественной симфонией борьбы, героичной самопожертвования, животворящим оптимизмом, преодолевшим все преграды титанической борьбы человека с черными силами мира, звучит и в наши дни бессмертный «Мерани» Бараташвили.

Через всю свою сознательную жизнь Бараташвили пронес страстную мечту о свободе, о раскрепощении человеческой личности. Могучим словом поэта он пробивал мрак своего времени, стремился к тем просторам, где «сердце не знает томленья, а ум тоски», где «солнце торжествует победу над тьмой ночной».

Бараташвили — выдающийся патрист — ярко вылился в своих произведениях то, что характеризовало его как лучшего грузинского романтика. В своих мечтаниях он пытался не чуждаться явлений общественной жизни, не уходил от реальной действительности. Живительная струя его поэзии, одухотворенная общечеловеческими идеалами, оказала огромное влияние на дальнейшее развитие грузинской литературы, на утверждение в ней прогрессивных идей, подлинного гуманизма и интернационализма.

Бараташвили был первым поэтом XIX века, провидившим в народе не-

пейные чувства любви к отчизне, гордость к самопожертвованию «за жизнь, за честь земли родной». Его поэма «Судьба Грузии» является одним из лучших произведений грузинской патристической поэзии.

Бараташвили вошел в грузинскую литературу, как носитель самых передовых идей своего века. Он создал новую грузинскую поэзию, обогатив ее достижениями русской и западноевропейской художественной культуры.

Как поэт-мыслитель, умевший проливать своим взором в будущее, Бараташвили привнес исторический прогрессивный путь развития своей родины в соединении судеб грузинского и русского народов. Он воплотил идею дружбы двух народов, их боевого сотрудничества. В укреплении этой дружбы ему рисовался залог благополучия своей отчизны, ее мирного процветания, культурного прогресса.

В своих произведениях Бараташвили выразил непреклонную волю к преобразованию социальной действительности. Он верил в победу человеческого разума, и гимном будущему, гуманизму, свободе звучали его песни.

Народ услышал в песнях Бараташвили свои чаяния и устремления, и потому назвал его своим поэтом, окружил его имя ореолом славы и бессмертия. «Он был первейшим сеятелем разумного в Грузии», — сказал о Бараташвили Акакий Перетели, — и поэтому незабываема будет память о нем».

Мы чтим память Бараташвили в исторические дни великой победы советского народа над теми силами фашистской реакции, угрожающей нашей стране с запада и востока. В небывалой в истории человечества грандиозной битве мы отстаивали свою страну от посягательства захватчиков, мы берегли свою свободу и независимость.

Великая партия Ленина — Сталина, воспитавшая народы Советского Союза в духе равноправия и братского сотрудничества, сделала нашу страну самой сильной и могущественной. В борьбе с заклятыми врагами советского государства наш народ показал образцы величественного патриотизма, в котором нашли свое гармоническое сочетание национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся социалистической отчизны.

В создании этих традиций, в воспитании высоких моральных качеств нашего народа играет большую роль классическая литература.

Великий классик грузинской литературы Николай Бараташвили на протяжении столетия воспитывал своей поэзией лучшие качества грузинского народа — мужество, неукротимую волю к борьбе, пламенную любовь к отчизне, качества, проявившиеся во всем своем величии в годы Великой Отечественной войны.

Бараташвили, не познавший заслуженной славы при жизни, обрел ее в нашу великую эпоху. Народ славит любимого певца, отдавшего весь свой огромный талант, вдохновенное слово поэта — гражданина борьбе за торжество высоких идеалов человечества.

за» награждено 57 человек, почетными грамотами и значками отличника социалистического соревнования работников черной металлургии СССР — 150 человек.

В ответ на высокую честь — присвоение заводу славного имени товарища Берия, — говорит тов. Кекелидзе, — наш заводской коллектив покажет новые образцы самоотверженного труда на благо дальнейшего процветания Советской Родины.

С новыми деловыми, производственными обязательствами выступили на митинге начальник плавильного цеха тов. Л. Магалакелидзе, зам. начальника молибденового цеха тов. Д. Катамадзе, зам. начальника марганцевого цеха тов. Б. Ломтадзе, секретарь заводского комсомольского комитета тов. Б. Ахрахадзе, стахановцы Л. Брегадзе, Д. Барашвили и другие.

Митинг послал приветственную телеграмму Маршалу Советского Союза Лаврентию Павловичу Берия.

получили многие молодые исполнители, в том числе Тамара Новикова (Москва), Гена Старков (Молотов), Недди Богум (Куйбышев), Ходаровская и Ломкина (Магнитогорск).

Участникам показа художественной самодеятельности и его руководителям объявлена благодарность. Лучшие коллективы и исполнители награждены значками, денежными премиями и ценными подарками.

В заключение был дан большой концерт с участием мастеров искусства. (ТАСС).

Митинг на Зестафонском ферросплавном заводе имени Л. П. Берия

ЗЕСТАФОН. (Наш корр.). Указом Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Зестафонскому заводу ферросплавов присвоено имя товарища Л. П. Берия. В связи с этим на заводе на днях состоялся большой митинг.

Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР о присвоении заводу имени Л. П. Берия зачитал выступивший на митинге секретарь Зестафонского райкома партии тов. С. Сакварелидзе.

Директор завода т. В. Кекелидзе в своем выступлении говорил о том, что в годы войны завод работал бесперебойно, с честью выполнял задания фронта. Ведущий цех — плавильный — не раз завоевывал звание лучшего в стране цеха ферросплавов, получал переходящие Красные знамена и премии. Правительство высоко оценило самоотверженную работу заводского коллектива: 45 работников завода награждены орденами и медалями; медалами «За оборону Кавка-

Итоги смотра художественной самодеятельности трудовых резервов

19 октября в Москве состоялось совещание участников всесоюзного показа художественной самодеятельности ремесленных и железнодорожных училищ и школ ФЗО.

С сообщением об итогах смотра выступил член коллегии тов. Воронков. Показ самодеятельности учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО прошел на высоком идейном и художественном уровне. Особенно успешно выступили художественные коллективы Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Украины, Грузии. Высокую оценку

Сегодня, в 8 часов вечера, в Тбилиском ордена Ленина Государственном театре оперы и балета им. З. Палиашвили состоится торжественное заседание партийного, советского и профсоюзного актива гор. Тбилиси, посвященное столетию со дня смерти великого грузинского поэта Николая Бараташвили

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР Об утверждении состава Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР

На основании ст.ст. 36 и 37 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», утвердить Центральную избирательную комиссию по выборам в Верховный Совет СССР в составе следующих представителей общественных организаций и обществ трудящихся:

Председатель Центральной избирательной комиссии Музнецов Василий Васильевич — от Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов.

Заместитель председателя Центральной избирательной комиссии Бруевич Николай Григорьевич — от Профессионального союза работников высшей школы и научных учреждений.

Секретарь Центральной избирательной комиссии Шталин Николай Николаевич — от Профессионального союза работников политико-просветительских учреждений.

Члены Центральной избирательной комиссии: Попов Георгий Михайлович — от московской коммунистической организации, Музнецов Алексей Александрович — от ленинградской коммунистической организации,

Абушенко Клавдия Амосовна — от Профессионального союза рабочих и служащих совхозов Белорусской ССР, Тихонов Николай Семенович — от союза советских писателей, Михайлов Николай Александрович — от Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи,

Покровский Александр Иванович — от Центрального Совета Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству в СССР (Осоавиахим), Пылаева Нина Андреевна — от колхозников колхоза «Красный путевод» Калининской области,

Сердюк Зиновий Тимофеевич — от киевской коммунистической организации, Головатый Феропонт Петрович — от колхозников колхоза «Стахановец» Саратовской области, Шуванина Таисия Ивановна — от рабочих, служащих и инженеров хлопчатобумажной фабрики имени рабочего Федора Зиновьева (г. Иваново), Шталин Алексей Леонтьевич — от рабочих, служащих и инженеров Магнитогорского металлургического комбината имени Сталина, Юсупов Усман — от узбекской коммунистической организации.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН. Москва, Кремль. 20 октября 1945 г.

15 ЗАСЕДАНИЕ СОЮЗНОЙ КОМЕНДАТУРЫ БЕРЛИНА

БЕРЛИН, 18 октября. (ТАСС). Сегодня под председательством французского команданта бригадного генерала де Бомен состоялось пятнадцатое заседание союзной комендатуры Берлина.

В связи с тем, что генерал-полковник Горбатов призван исполнять другие обязанности, на должность советского команданта города Берлина назначен генерал-лейтенант Смирнов. До последнего назначения он работал заместителем генерал-полковника Горбатова и принимал активное участие в решении вопросов, обсуждавшихся на заседаниях союзной комендатуры города Берлина.

Перед началом заседания союзных командантов генерал-полковник Горба-

тов простился со своими коллегами и обратился к присутствующим с речью. На заседании было решено ликвидировать в Берлине военный музей «Пейхауз», являющийся символом немецкого милитаризма и коллекцией военных трофеев, добытых грабжами и разбоем.

Команданты приняли важные решения, касающиеся продовольственного снабжения Берлина.

Союзные команданты передадут на склады магистрата, кроме текущих поставок, такое количество продуктов, которое позволит иметь не снижающийся 15-дневный запас. Запасы картофеля будут сделаны с учетом потребности населения Берлина до 6 апреля 1946 года.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ПО ВОПРОСАМ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ОТТАВА, 17 октября. (ТАСС). По сообщению корреспондента агентства Бюнавид пресс из Бюбека, 16 октября там открылась конференция Объединенных Наций по вопросам продовольствия и сельского хозяйства.

ОБНАРУЖЕНИЕ СПИСКА ТАЙНЫХ ЧЛЕНОВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ПАРТИИ

ЛОНДОН, 19 октября. (ТАСС). Корреспондент газеты «Дейли экспресс» сообщает из Франкфурта-на-Майне, что обнаружен полный список английских граждан, бывших тайными членами гитлеровской партии. «Гитлер» — пишет корреспондент, — рассчитывал, что эти люди помогут ему управлять Англией в случае удачного вторжения.

ПОСЛЕ ВЫНЕСЕНИЯ ПРИГОВОРА КВИСЛИНГУ

ОСЛО, 20 октября. (ТАСС). Норвежское информационное бюро передает, что Квислинг, который приговорен к смертной казни и кассационная жалоба которого была отклонена верховным судом, появился 18 октября в суде в качестве свидетеля. С него были сняты показания по делу бывших «министров» марионеточного «правительства» Норвегии в годы оккупации.

ХОД ДЕМОБИЛИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ

НЬЮ-Йорк, 20 октября. (ТАСС). По сообщению агентства Юнайтед пресс, выступая в сенатской комиссии по военным делам, помощник начальника генерального штаба бригадный генерал Берри заявил, что к 15 октября в составе американской армии оставалось 6,990 тысяч человек, из них 1,930 тысяч человек в районе Атлантического океана, 2,010 тысяч — во всех районах Тихого океана, 3,050 тысяч — в Соединенных Штатах. Как полагают, в ноябре будет демобилизовано 1,100 тысяч человек.

ПРИКАЗ ДЕ ВАЛЕРА О НАКАЗАНИИ ИРЛАНДЦЕВ, СЛУЖИВШИХ В АНГЛИЙСКОЙ АРМИИ

ЛОНДОН, 19 октября. (ТАСС). Премьер-министр Эйр де Валера издал приказ о наказании 4 тысяч человек, служивших в армии Эйр и «дезертировавших» в английские вооруженные силы. Эти лица, согласно приказу, в течение семи лет не будут приниматься на государственную службу в Эйр, не будут пользоваться пособием по безработице и будут лишены права получать всякую работу, оплачиваемую из государственных фондов.

Классик грузинской поэзии

Николай Бараташвили погиб в расцвете творческих сил, не успев многое досказать. Но и то, что успел дать его поэтический гений, оставило глубочайший след в развитии новой грузинской литературы.

В своем творчестве Бараташвили запечатлел исторический момент приобщения своего народа к духовному прогрессу нового человечества. Глубина мысли, широта художественного диапазона, совершенство поэтического мастерства — вот чем характерно ценнейшее наследие, оставленное нам великим поэтом.

В орбиту своего художественного творчества Бараташвили включил почти все актуальные проблемы романтизма лирического течения и разрешил их в глубоко проработанных философских ответах. Величайший грузинский лирик, глубоко прочувствовавший музыку мировой романтической поэзии, он привнес в свое национальное творчество независимую и оригинальную самобытность и занял первостепенное положение в ряду таких выдающихся грузинских поэтов-романтиков, какими были его современники Александр Чавчавадзе и Григорий Орбелиани.

Бараташвили первым развенчал отжившие литературные традиции и наметил новые пути грузинской поэзии.

Автор «Мерани» — поэтический выразитель прогрессивных идеалов своего времени. С политическим волюнтаризмом он увязывал великую идею национального освобождения. Свободолюбивый дух поэта не мог мириться с мрачной действительностью. Еще в юные годы он бросает тивный вызов темному царству самодержавия, печальным взором окидывает мир и переживает глубокие душевные муки.

Мятельная душа поэта, обреченного жизнью на трагическое одиночество, создает высокий идеал духовной красоты, который с большой выразительностью рисуется в письмах Бараташвили к его другу Майко Орбелиани. Действительность жестоко разбивает этот идеал, чуждый социальной среде поэта. В его сердце вселяется злой демон.

Поэт обращается к нему:

«Скажи, кто звал тебя, судьбы моей злой гений,
Чтоб жизнь мою навеки отравить,
Чтоб мир моей души сменить
И веру детских лет навеки разрушить?»

всепобеждающий его оптимизм помогает ему видеть мудрость земную в утверждении жизни, в готовности к самопожертвованию во имя блага родины, во имя счастья людей.

Самым совершенным образцом лирического гения Бараташвили является его «Мерани». Можно без преувеличения сказать, что «Мерани» стало любимейшим стихотворением грузинского народа. В нем Бараташвили раскрывает историческую судьбу грузинского народа, воспеваешь его непреклонную волю к борьбе к национально-социальному освобождению.

В «Мерани» глубоко отражена трагическая судьба личности в старом, закрепощенном мире. Бараташвили создает благородный образ героя-патриота, сметающего на своем пути все преграды к достижению высоких идеалов.

Поэт не смиряется перед жестокой судьбой, он вступает с нею в решительный поединок:

«Несишь, Мерани, мой конь
крылатый, умчусь вместе
Твой всадник не был пленником рока,
и с ним, как прежде, жаждет
борьбы».

Неравная борьба с черными силами не страшит героя, прирак смерти не пугает его.

«Пусть не усну я в земле отчизны,
среди старинных могильных плит,
Пусть дорога мои останки
слезой печальною не окропит,
Мне чёрный ворон вырвет яму
в краю безвестном, в пустых полях
И вихрь бездомный, с плачем и воем
песком засыплет мой бедный
прах».

В последних строках «Мерани» слышится гордая уверенность борца, что самоотверженный его подвиг не пропадет даром, что борьбой с темными силами он проложит будущим поколениям путь к счастью, к грядущему светлому дню.

«Безумных сил твоих не пропадет
затрата,
И не заглохнет путь, пропущенный
тобой!
Им облегчу я путь грядущий для
собрата,
Им облегчу борьбу грядущему
с судьбой!»

восторженным гимне родным горам и долинам Бараташвили присоединяет свой поэтический голос к голосу гениального Руставели, в бессмертной поэме которого впервые в грузинской поэзии прозвучала песня гармонии человека с природой.

В центре поэмы «Судьба Грузии» выступает, как символ героического прошлого грузинского народа, мужественный полководец царь Ираклий II, который перед знаменитой Криванской битвой обращается к своим воинам с глубоко проникновенными, патристическими словами:

«Нам предстоит с врагом борьба,
И знайте, что в бою суровом
Решится Грузин судьба.
Сражаться буду я, как воин,
Средь вас в неистовом бою,
И будет ясно, кто достоин,
Кто любит родину свою».

Ираклий II изображается в поэме светлым ореолом национальной славы, таким, каким он жил в патристическом воображении своего народа: мудрый царь, народный герой, дальновзоркий политик.

С большой художественной правдой передаются в поэме раздумья Ираклия II о судьбах своей страны.

Глубоко аналитическая история своей родины, высокое поэтическое мастерство, национально-прогрессивные тенденции автора выдвинули это произведение в ряд лучших образцов исторического жанра. Поэма эта, несомненно, способствовала развитию поэтического эпоса в грузинской литературе XIX века.

К глубоко волнующей теме судьбы своей страны Бараташвили возвращается в стихотворении «На могиле царя Ираклия». Поэт с благоговением преклоняет голову перед тельмо царя, провидевшего счастье своего народа в соединении его судьбы с судьбой русского народа.

В творчестве Бараташвили глубоким лиризмом овеян не только внутренний мир человека, но и природа. О Бараташвили можно сказать словами Баратынского: «С природой одной он жизнью дышал».

Имя Бараташвили можно поставить в ряд с такими гигантами мировой поэзии, как Байрон и Шелли, Пушкин и Лермонтов.

Великому грузинскому поэту был рожден мятельный дух этих поэтических вождей прогрессивного романтизма русской и западно-европейской литературы, и в то же время ему была чужда пассивно-созерцательная философия немецкой консервативной романтической школы. Поэт глубокой мысли, Бараташвили никогда не бывает отвлеченным. Какие бы сложные философские проблемы он ни ставил в своих стихах, от них всегда веет живым дыханием жизни. Его поэтические строки полны глубочайшего чувства и возлюбленности.

Бараташвили создал новую грузинскую поэзию, обогатив ее достижениями русской и западно-европейской художественной культуры. Опираясь на богатейшие традиции многовековой грузинской поэзии, поэт-новатор широко раздвинул границы родного словесного искусства и возвел его на высоту мирового значения.

Н. Бараташвили с гениальной художественной силой выразил чаяния и стремления лучших людей своей эпохи — своего народа. Поэт поражает необычайным богатством и поэтической чистотой своего внутреннего мира. Лирическая сила его поэзии волнует нас и сегодня, она не перестает вызывать к идеалу, к совершенству духовной красоты человека.

Цельный век отделяет нас от того дня, когда умер Бараташвили, но автор «Мерани» ныне стал еще ближе и дороже грузинскому народу.

Поэзия Бараташвили с особой силой звучит в великую сталинскую эпоху, в дни исторических побед нашей страны над черной реакцией фашистских поработителей. Наш народ с любовью и гордостью чтит память своего духовного предка, прокладывавшего своим песнями путь к свободе, к торжеству идеалов прогрессивного человечества.

Георгий АБЗИАНИДЗЕ.

Иллюстрации художника Ш. Цхадвадзе к поэме Н. Бараташвили «Судьба Грузии». (Юбилейное академическое издание).

НИКОЛАЙ БАРАТАШВИЛИ

У могилы царя Ираклия

Склоно колени я, царь и герой маститый,
И, помянув тебя, пролью слезу на плиты:
Ужель не оживет твоя святая тень,
Чтоб новой Грузии увидеть светлый день?

Высокий чту завет, у смертного предела
Тобой оставленной стране осиротелой!
Все помысли твои в дела претворены,
Чтоб сладкий плод вкушали могли твои сыны.

Судьба изгнанникам дала изведать муку,
Но песни они несут отчизне и науку.
И животворный дух, храня высокий пыл,
Льды севера своим пылаем растопил.

Неопеченный сев воспринял отчим краем,
И он обрадует обильным урожаем!
Где властвовала грузин лишь силою клинка,
Уже взялась за руль спокойная рука!

Отныне Каспия нас не страждет приливом,
Бессильные смутить покой страны счастливой.
И море Черное несёт не паруса врагов,
А братьев, близких нам, под наш любезный кров.

Мир праху твоему, герой непреодолимый,
Последний наш оплот, годами омытый!
Грузин постиг теперь, что благо ты принес,
И он гробницу чтит, что создана из слез!

Перевод Георгия ЦАГАРЕЛИ.

Чинара

Стройна, на скалистой вершине чинара стоит молодая,
Ветвиста, воздушна, прекрасна, прохладу вокруг разливая.
Листья ее слушая шелест, отгадно мечтать здесь под тенью,
Под рокот воды предавая все горести мира забвенью.

Кура мчится с шумом, чинару качает стремительный вестер,
Мечтаешь, внимаю том звукам, и все забываешь на свете.
Есть, верю, язык у природы, ее сокровенные речи,
Значение тайных речей тех важнее всех прочих наречий.

Как юноша к девушке гордой, Кура припадает к чинаре,
Из бедны глухой вырывается, на скалы кидается яро.
Но гордо, надменно чинара стоит, на скале возвышаясь,
И только верхушкой своею поперечному грустно качаясь.

Качнется чинара, и тотчас Кура отзовется ей стоном,
Как будто завывает: «ветру!» о скалы дробит свои волны.
Вот так и влюбленный, — тайно, но сильно и вечно страдает,
Коль подлинно пламя небесной любви его сердце сжигает!

Перевод Бориса СЕРЕБРЯКОВА.

Моей звезде

Зачем грозись, звезда судьбы моей?
Я всё ж люблю твой свет во тьме
ночей.
Твое и мурное привычно мне мерцание,
И трепет сердца, полногo страдания.

Не омрачишь судьбу мою в тот миг,
Когда накинешь тень на ясный лик,
Не знаешь ты, какая радость скрыта
В том, что забрежжешь, облаком
повета.

В каком обличье ни предстанешь мне,
Я всё ж твой блеск узнаю в вышине.
Ты свет души, прекрасное светило,
Что мне во век услодой сердца было.

Закрился вновь, ясен чем свет зари,
И скорбное мне сердце озари,
Идеи, как встарь, небесное сияние
И искрами осыпь омаровьяня.

Перевод Наты ЧХЕИДЗЕ.

Синий цвет

Цвет небесный, синий цвет
Полобля я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.

И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.

Он прекрасен без прикраса.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.

Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.

Это лёгкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.

Это синий, не густой
Иней над моей плитой.
Это синий змийный дым
Мглы над именем моим.

Перевод Бориса ПАСТЕРНАКА.

Е—не, певшей под аккомпанемент фортепиано

Звучи рояля
Сопровождаи
Наперерыв
Части вокальной
Планный, печальный
Речитатив.

Ты мне всё время
Слышалась в теме.
Весь я был твой.
В смене гармоний
В гулкой погоне
Их за тобой.

Мало по малу
Ты распрямляла
Оба крыла
И без остатка
Каждою складкой
В небо пыла.

Каждым изгибом
Выгнутым дыбом
Черных бровей,
Линией шеи,
Бездною всею
Муки моей.

Перевод Бориса ПАСТЕРНАКА.

ПЕВЕЦ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Сегодня мы празднично отмечаем столетие жизни высокой и чистой поэзии великого грузинского лирика Бараташвили. Галыба века отделяет нас от тех дней, когда в пылающей душе поэта рождались вдохновенные слова, полные любви, сострадания к родине и человеку.

Мы — люди иного времени, иной эпохи. Но всё истинно высоко-человеческое неотделимо от нашего миро-созерцания.

В этом — духовное величие советского человека.

В этом — духовная мощь народа, вершины культуры которого прочно зиждятся на основаньи, заложеном великими предшественниками.

В дни величайшей Победы, одержанной Советским Союзом Социалистических Республик в битве с фашистской Германией и Японией, сказались все несравненное превосходство культуры, морали, нравственности советского человека.

Советский народ героически спас мировую цивилизацию от гибели.

Осенние величайшими идеями, мы не знали колебаний в своей борьбе за освобождение поработенных народов.

Отныне человечество будет преклоняться перед величайшим подвигом, который совершили советские

народы во имя самых благородных целей жизни на земле.

Человек сталинской эпохи гордо несёт знамя своих великих завоеваний.

В дни потрясающих битв гитлеровских поэтов звучали с особенной силой. Они приносили в сердца бойцов, порождая вдохновение боя, уверенность в победе, любовь к социалистическому отечеству.

И советские поэты, достигшие вершины своего мастерства, всегда знали — на какое мощнейшее основание культуры всего народа опирается их бессмертное искусство.

Отмечая столетнюю дату со дня смерти великого грузинского лирика Бараташвили, мы говорим о столетии жизни в сердце народа тех благородных чувств, которые пробуждали слова его, рождённые в чистой и высокой любви к своей родине и к своему народу. И мы говорим о высоком поэте, о высоких чувствах, о вершинах культуры, на которых прочно отныне утвердился всем своим героическим путём великий советский человек.

Ибо, разве не в служении человеку вознале дель поэзии. И чем выше вершина, на которой утвердился человек, тем значительнее поэзия, воспевающая этого человека.

ВАДИМ КОЖЕВНИКОВ.

ВЕЛИКИЙ РЕАЛИСТ

Наверное это сравнение уже делалось, и я повторю только чужое мнение, но из русских поэтов Бараташвили напоминает больше всего Баратынского.

В обих случаях перед нами творчество, охватывающее картины природы и случаи жизни в некоторой идеализации, свойственной веку, и какой-то веку несвойственный, ускользающий, горячий припадок.

Это — черта той оригинальности, о которой говорил Пушкин в приложении к Баратынскому, сводя её к постоянному присутствию мысли у последнего; и замечательно, что именно она, а не какое-нибудь частности, рассеянные в тексте, заставляют нас видеть картины и сцены, в тексте не названные, но ярко открывающиеся в галубине за ним, по непродолимым законам, которым одинаково подчиняются деятельность художника и глаза потомков.

Это делает Бараташвили реалистом в большей степени, чем привыкли думать, и позволяет проступать сквозь любие его отвлечения чертам биографии, бытовому колориту, внешню живого обихода.

Его стихотворения, даже самые созерцательные, очень драматичны и несут тот личный отпечаток, который заставляет подозревать за каждой мыслью какое-то реальное происшествие, её побудившее.

БОРИС ПАСТЕРНАК.

Обложки различных изданий произведений Николая Бараташвили.

Дерзновенный ум поэта стремится к выходу из беспросветного окружения, ищет ключ к человеческому счастью. Внутренние духовные силы поднимают поэта на борьбу с алым гением, обманувшим его лучшие надежды. Он отгоняет от себя его мрачный прирак: «Прочь от меня, злой дух!»

В этих строках слышится первый аккорд той героической симфонии, которую затем Бараташвили развернул в своем бессмертном «Мерани». Это — первый протест против власти судьбы, против чуждого поэту фаталистического миропонимания.

Поэтическое творчество Бараташвили отмечено печатью глубоких философских раздумий. Еще шестнадцатилетним юношей он в своем лирическом шедевре «Сумерки на Мтацминда» стремится приоткрыть космическую завесу, чтобы познать тайники природы.

«Какой красой была овеяна природа! О, небо, образ твой в груди
незгладим,
Как прежде, рвется мысль под купол
небосвода,
Как прежде, падает, расставая перед
ним».

(Перевод Б. Пастернака).

В этом стремлении поэта к познанию мира находит свое отражение идея, владевшая людьми XIX века, — о власти знания над природой.

Философская жажда познания мира — один из главных мотивов стихотворения «Сумерки на Мтацминда». Но с такой же силой в этом стихотворении чувствуется и другое: разлад поэта с современной ему действительностью.

Между мечтой поэта и жестокой действительностью лежит пропасть. Поэт предаётся скорбным думам. Его дух, выражаясь словами Шелли, но Байрона, «содет в черной ветоши». Но даже и в эти минуты таящихся размышлений он устремляется навстречу заре и в этом устремлении обретает источник духовного возрождения:

«Когда на сердце ночь, меня к закату тянет,
Он сумеркам души сочувствующий
знак,
Он говорит: «Не плачь. За ночью
день настанет,
И солнце вновь взойдет. И свет
разгонит мрак».

(Перевод Б. Пастернака).

Эта вера в грядущий рассвет, в торжество светлого начала неизменно сопутствует размышлениям поэта-романтика.

Для Бараташвили жизнь была не простой задачей, он глубокомысленно воспринимал каждое явление. В стихотворении «Раздумья на берегу Курь», склонившись, как Данте, на берегу Малесболы, он ставит проблемы бытия и небытия, и опять-таки

В воскресенье, 21 октября, в 3 часа дня, в помещении Государственного литературного музея Грузии (ул. Джорджиашивили, № 8) состоится открытие юбилейной республиканской выставки, посвящённой 100-летию со дня смерти Николая Бараташвили.

★
Дом в Тбилиси
по улице Чахур-
хадзе, № 17, в
котором жил
Н. Бараташвили с
1841 по 1845 гг.

Внизу — установленная на доме мемориальная доска.

★
Фото Р. Аколова.

საქართველოს სახელმწიფო ლიტერატურული მუზეუმი
გეორგიანული რესპუბლიკის
1841 — 1845 წწ.
აქედან იყო ნიკოლოზ ბარათაშვილი
ს. 1841-იდან 1845-მდე.

Поэт-гражданин

При первом, поверхностном знакомстве с поэзией Бараташвили может показаться, что в противоположность поэтам, голоса которых звучали, как призывание к борьбе, или которые обращались к широкой аудитории — к человечеству, нации, революционным массам, как, например, Байрон, Гоголь или Беранже, — грузинский поэт ведет интимный диалог с самим собой, собственной душой. Поэтическое творчество Бараташвили может представлять несколько абстрактным, порой отчужденным от радости и тревожной живой действительности.

На самом деле лирика Бараташвили — искренняя исповедь страстной и мятельной души, выраженная отчасти в несколько патетической форме. Будь Бараташвили холодным шарниром или же замкнутым камерным поэтом, его поэзия никогда бы не вызвала такого интереса, какой она излучает в широких слоях общества. Если в Грузии Бараташвили стал самым популярным поэтом, пожалуй, самым популярным после Руставели, то это следует объяснить в первую очередь тем, что поэзия его отражает не только личный мир, но является также отзвуком эпохи, определенных общественных настроений. Слова поэта о героях Криваниси, спящих у тбилисских ворот без могильных плит и без памятников, вполне применимы и к его творчеству: «То, что душу нам сожгло как пламя, передаётся от поколения к поколению».

Как будто все обстоятельства вели к тому, чтобы Бараташвили уже в юношеском возрасте разочаровался в жизни. Он рано познал контраст между достатком и нуждой, безработицей, обеспеченным существованием и тяжелой борьбой за кусок хлеба. Он вырос в патриархальной семье, и первые слова, которые он произнес, были слова христианской молитвы. Но в средней школе, под руководством философа образованного молодого учителя Соломона Дадашвили (автора курса логики, написанного на русском языке) и других педагогов, он познакомился с веяниями, идущими из передовых стран Западной Европы и России, и из скептицизма рано стал раздвигать его душу. В его жилах текла кровь грузинских Бараташвили, он мечтал об блестящей военной карьере, но в силу необходимости вынужден был довольствоваться скромным местом, подготовленным ему в общественной жизни страны. Наконец, если правильно утверждение некоторых его биографов, что он любил Екатерину Чавчавадзе, то и она дала ему лишний повод стать недовольным людьми, жизнью, всей окружающей обстановкой.

Нужно вспомнить и то, в какой международной политической атмосфере пришлось жить Бараташвили, как и всем его современникам, европейским и русским поэтам-романтикам; вспомнить настроения того всеобщего разочарования, которым была охвачена передовая общественность после крушения идеалов Французской революции. Наиболее передовым умом казалась, что гуманистические иллюзии развеяны навсегда, что вместо господства разума, возмездного просветительства XVIII века, наступило господство денежного мешка.

Одаренная личность чувствовала себя трагически одинокой в такой обстановке. В Грузии же обилие политический гнет усугубляло национальный гнет. Поэтому индивидуализм, титанизм, демонизм для Бараташвили не были вопросом литературной манеры. Не он один носил в те времена черный плащ и трагическую маску, не он один уносился в будущее на крылатом Пегасе и не случайно его «Мерани» литературоведы сравнивали с «Фарисом» Мицкевича, так же, как не случайно он цитировал в личной переписке стихи Лермонтова («И скучно, и грустно...»).

Как мыслитель, Н. Бараташвили связан с идеальными устремлениями передовых людей Западной Европы и России. Его волнуют те же проблемы, которые были выдвинуты на первый план наиболее выдающимися поэтами его времени: судьба личности и внешнего мира, проблемы жизни и смерти, философия любви, вопросы, связанные с нравственным долгом гражданина перед родиной и человечеством, и т. д.

Наиболее популярное произведение Бараташвили «Мерани» проникнуто тем же протестантским, мятельным духом, который породил «Каина», «Май-

фреда» и «Дон-Жуана» Байрона, «Коврада Валерола» и «Фариса» Мицкевича, «Демона» и «Мцыри» Лермонтова.

Главное в «Мерани» Бараташвили — непреклонный дух трагически мыслящего героя, его негибкость, его презрение к смерти, наконец, его гуманизм, совершенно отличный от анти-социальной, эгоцентрической морали некоторых европейских романтиков: Нет, не исчезнет душевный трепет того, кто ведал, что обречён. И в диких высях твоей след, Мерани, пребудет вечно для всех времён: Твоей дорогой мой брат грядущий просачет, смеясь, быстрой мея И, порывшись, с сульбиной чёрной, смеясь, обгонит её коня.

(Перевод М. Лозинского). Плодотворная реформаторская роль Бараташвили, его борьба за обновление грузинской поэзии, его принципиальное запечатление особенно ярко проявились в области любовной лирики. Он решительно порвал с метафорическим языком предшествовавших поколений. Бараташвили являлся изобретателем так называемого маджаму — рифмы, мало соответствующей духу грузинского стихотворения, но господствовавшей в нём под влиянием персидской поэзии в продолжение веков.

Тбилисская гимназия, в которой учился Н. Бараташвили. (Со снимка 30-40 годов прошлого столетия).

Некоторые лирические шедевры Бараташвили, как, например, «Благодарение создателю, красавица чернокожая» или же «Бежит Арага быстроножая» (из «Судьбы Грузии»), по своему настроению и художественной форме близки к шедеврам народной поэзии. В этом отношении его можно считать предшественником Рафаэла Эрнстани, Акики Церетели и, в особенности, Важа-Пшавела.

Наконец, продолжив и расширив дело, начатое Давидом Гуранишвили, Бараташвили своей философской лирикой откровенно прерасудок, что стихи пишутся или исключительно для выражения любовных восторгов и страданий, или для услаждения слуха пирующих. От этого прерасудка не были свободны даже некоторые из его ближайших предшественников.

Порвал с наиболее устаревшими и выходящими пережитками предшествующей ему грузинской поэзии, Бараташвили явился хранителем более устойчивых элементов литературного наследия. Его интерес к философскому и этическим проблемам и своеобразный диалектический подход к их разрешению объясняются не только складом его ума, но и влиянием вековых национальных традиций.

Человеческая жизнь — бег в беспредельном пространстве, безумное стремление преодолеть грани, предначертанные судьбой; избранную личность часто ожидает гибель вдали от отечества, родных и любимых существ; но все же человек не должен покорно склонять голову перед роком: его стремления не бесплодны, и путь, протоптанный им, облегчит трудности существования его собрата, следующему за ним («Мерани»).

Можно достичь внешнего благополучия, но для этого приходится отказаться от внутренней свободы, за потерей же свободы следует гибель индивидуальности («Гянцип и пилигрим»). Напрасны порывы человеческого сердца найти пристанище за пределами эмпирического мира, покрытого сумерками. Иной надеждой должен жить человек, в иной надежде завершаются самые болезненные размышления поэта: тьма рассеется и настанет утро, озарённое солнцем.

Г. КИКОДЗЕ.

ПОСВЯЩЕНИЯ НИКОЛАЮ БАРАТАШВИЛИ

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ,
народный поэт Грузии

Стою и у сердца держу свою лиру

Стою и у сердца держу свою лиру.
Как сверкает небес полуденный простор!
Ветер пронесется сирень
Спутник идущих по зарослям гор,
И обречённо звенит моя лира!

Стою и держу свою лиру у сердца
Я, Мерани певец, — озираюсь вокруг.

Ах, куда ж могли деться
И, порывшись, с сульбиной чёрной,
И обречённо звенит моя лира!

Стою и у сердца держу свою лиру,
Раз свободна ты, Картап родная мой,

Глаз мой радуешь ширью, —
Побороть все сумею, все трудности и!

И о грядущем звенит моя лира!

Стою и держу свою лиру с волнением,
Кровью сердца писал я о милой стране.

Нынче я, словно тень,
Что когда-то скакала сквозь выхры на коне.
И вдохновенным мой песнопения!

Перевод с грузинского.

СИМОН ЧИКОВАНИ

Николаю Бараташвили

Смывая след полуденного жара,
О камни бьётся в сумраке Кура,
Склонилась над водой твоя чинара,
Поникли ветви в брызгах серебра.

Я шёл к тебе. И ночь стихом дожила,
И тень твою покрывала берега,
Твоё строфа в струях Куры мелькнула,
Как девичья блестящая серьга.

Здесь, на Мтацминде, ты встречал закаты,
Вправляя в стих, как изумруд в кольцо,
И одиночество, и боль утраты,
И Кетеваны тонкое лицо.

В твоём стихе печальный звук чонгури,
И ропот рек и горечь дум слышна,
И крыльям шум, подобно шуму бури,
Коня Мерани, скачущего ввысь.

Быть может, сердце древнего героя
Позвал тебя из глубины веков,
Из мгла времён, разбуженных тобою,
И сердце вздрогнуло, почуя зов.

О, сердце, сердце! Пелел в нём бесплодий...
Не для того ль от тайного огня
Сгорала жизнь, чтоб в тьме ночей
Холодных предшественников.

Ты видел взлёт крылатого коня?
И Грузия твой голос полюбила,
И за тобою шёл Кура, как тень,
И звезды провожали Антаданя,
Пока с востока не зарежит день.

И Антаданя спешил тебе на встречу,
В движенье звёзд угадывая путь,
Чтоб испелать израненные плечи,
Отвагу рыцаря в тебя вдохнуть.

Кровь война в тебе заговорила,
Неукротимый, ты воспел простор,
Теперь земля Мтацминды приняла
Певца и странника под сенью гор.

И вот ты спишь. Пришла пора покоя,
Ты отходишь в тени чинар густых,
Свет мудрости пляшет над головою,
А вечный голос навсёгда затих.

Ты спишь. Но нет. Не может быть!
Не может тот, кто мчался на коне,
Отдать могиле солнечную душу
И шум Арагвы позабыть во сне.

Твой стих пронёсся по горам в тумане,
Вставай перед жизнью на дыбы,
Я слышу свист и шестёрт крыл
Мерани,
Гул вечности, дыхание судьбы.

Не умер ты. Твой стих не умирает.
И вижу я: Мерани вновь летит,
Кура тревожный всплеском повторит
С Мтацминды долетевший звон коня.

Теперь поэта ждёт судьба иная:
Взлети по кручам в отвесах зари,
И, стих задрывной зацией поднимая,
О Грузии свободной говори.

Умолк давно твой ворон, вестник скорбный,
Взгляни вокруг! Преград полету нет!
Цветёт земля, Промчись, промчись,
Тропую горной,
И на Мтацминде встретит нас рассвет!

Перевод с грузинского
НИМ ПОЗНАНСКОЕ.

Сестры Николая Бараташвили (сидят, слева направо): Варвара Везиришвили, Нина Бараташвили и Софья Сумбаташвили. Стоят — Тасо Черквиншвили и дочь Везиришвили Нина; сидит — сын Везиришвили Георгий. (Из коллекции Литературного музея Грузии).

Николай Бараташвили и грузинский романтизм

Обложка юбилейного академического издания произведений Николая Бараташвили. Рисунок обложки — худ. Л. Григолия.

Тридцатые—сороковые годы прошлого столетия характерны для Грузии значительным оживлением литературной жизни. Эти годы имели исключительное значение в развитии грузинской поэзии. На литературном поприще появились тогда чужая плеяда выдающихся поэтов, среди которых особенно выделялись А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани и Н. Бараташвили, подлинные мастера стиха, давшие тон всей грузинской поэзии как в те времена, так и в последующие годы. Таковыми поэтами того периода были также В. Орбелиани, С. Размадзе, Г. Эрнстани, А. Орбелиани, М. Туманишвили. За ними шли — Давид Мачабели, Ал. Чиковани, Барам Бараташвили, Лука Исаришвили, Мих. Бебуташвили и др. Почти все эти имена были связаны с новым литературным направлением — романтизмом, получившим развитие в Грузии в первые десятилетия XIX столетия.

Это литературное направление создало оригинальную эстетическую теорию и стиль, способствовало перестройке художественных вкусов, внесло новизну в поэтические формы и жанры, расширило и углубило содержание грузинской литературы. Подобно поэтам-романтикам Западной Европы, грузинские романтики не представляли собою какое-либо литературное объединение, но тем не менее это была литературная школа, сменительная единством идей и художественных принципов, и на протяжении почти трех десятилетий оказавшая господствующее влияние в грузинской литературе. Можно смело сказать, что ни один большой грузинский писатель первой половины XIX века не был свободен от влияния романтизма. Под влиянием этого направления развивалось творчество Ал. Чавчавадзе, Григория Орбелиани и Вахтанга Орбелиани. С романтизмом связано поэтическое наследие Михаила Туманишвили, Соломона Размадзе, Александра Орбелиани, Георгия Эрнстани, Давида Мачабели, Мамия Гурели. Наконец, выдающийся представителем этого литературного направления явился Николай Бараташвили.

В отличие от романтизма Западной Европы, и особенно немецкого романтизма, грузинский романтизм не чувствовал явной общественной нужды, проявлял живой интерес к реальной действительности. Творчество грузинских поэтов — романтиков характеризуется реалистической тенденцией и чутким отношением к социальным проблемам. Отсюда — яркое выражение в их произведениях идей демократизма и гуманизма. Основная тема их творчества — родина и народ, основной мотив — патриотизм.

Романтическое направление сыграло огромную роль в развитии грузинской поэзии. Романтики расширили и углубили ее содержание, способствовали совершенству поэтических форм. В грузинской литературе романтики являлись борцами за европеизацию. Они возглавляли борьбу за освобождение грузинской поэзии от влияния восточной, персидской поэзии, являлись в ее развитии грузинской поэзии к европейской поэзии. Они первые поставили в грузинской литературе ряд проблем общественного, политического и эстетического значения, вплотную приблизившись к сокровищнице народной творчества, испытали на себе его влияние и разработкой новых, богатых языково-поэтических средств способствовали совершенствованию культуры грузинского стиха.

Николай Бараташвили является самым крупным и своеобразным представителем грузинского романтизма. Основные характерные признаки этого направления ярче всего проявились именно в его произведениях. Он хорошо был знаком с западно-европейской и русской литературой своего време-

ни, чему способствовало его знание как русского, так и некоторых иностранных языков. В поэзии Бараташвили, как и других грузинских романтиков, можно найти много сходного с представителями европейского и русского романтизма, однако поэзия грузинских романтиков является все же весьма самостоятельной и непосредственно связанной с развитием многовековой грузинской поэзии.

В истории грузинской поэзии Бараташвили предстает поэтом нового типа. Илья Чавчавадзе называл его «блестящим представителем европейцев» в грузинской литературе и охарактеризовал его как поэта, давшего грузинской поэзии мировой резонанс, наполнившего ее общечеловеческим содержанием.

Н. Бараташвили — национальный поэт, однако его идеи, все содержание его творчества глубоко пронизано общечеловеческими устремлениями. Он стоял на одном уровне с современными ему великими представителями западно-европейской и русской литературы, его волновали те же проблемы, которые волновали Байрона и Шелли, Пушкина и Лермонтова, Гоголя, Ламартина, Мицкевича и других представителей мировой поэзии.

Н. Бараташвили придал грузинскому стиху особую силу и энергию. С одной стороны, он сделал этот стих выразителем своих мыслей, интимных переживаний, а с другой — наполнил его обличительной мощью широкого социального звучания.

Поэзия Бараташвили всегда была чужды метафизическо-мистическому мышлению и отвлеченной мечтательности. Его творчество неизменно пронизывает интерес к действительности, стремление к ее познанию. Обращаясь к философским и историческим темам, он устремлял свой взгляд в грядущее, проповедовал общечеловеческие идеалы, привлекал внимание поэзии к важнейшим социальным проблемам, к активной борьбе за счастье родины.

Даже в самые тяжкие моменты своих скорбных размышлений Бараташвили не сбивался перед жизнью, не отступал от борьбы с господствовавшим злом. Вся его поэзия была построена на эпоху борьбы. Он боролся с существовавшей жизнью не только ради ее отрицания, но ради создания лучшей, оправданной жизни. В этом отношении характерны заключительные строки его стихотворения «Раздумье на берегу Куры», целиком характерен в этом отношении его «Мерани» — апология неукротимого движения вперед, апология борьбы за человеческое счастье.

Проф. Ш. РАДИАНИ.

ПЕВЦУ СВОБОДЫ И ДОБРА

Певец любви, ты пел в печали
И в песнях душу всю излил;
Всё думы мрачные терзали
О власти в мире тёмных сил.

Пел чувству, разуму ты гимны,
Лишь в вразде красоту урел;
И ввал и борьбе твой голос дивный
За человеческий удел.

Со злом боролся одиноко
Чудесной лирою своей;

Схватили даже с самым роком
Во имя пламенных идей.

При жизни славой не венчали
Певца свободы и добра...
Твой же песни возмещали:
Настанет светлая пора!

И та пора уже настала,
Над мраком торжествует свет;
Любовь народа увеличала
Тебя бессмертием, поэт!

Д. С-НИ.

О переводах Бараташвили

Поэзия Николая Бараташвили издавна привлекала внимание русского читателя. Ни один из грузинских поэтов не переводился до революции так интенсивно и не находил доступа к русскому читателю так легко, как Бараташвили. Причину этого явления следует искать прежде всего в общечеловеческом характере поэзии Бараташвили.

Начиная с 1890 г. стихотворения Н. Бараташвили печатались как в тбилисской русской периодической печати, так и в отдельных сборниках переводов грузинских поэтов, выходивших в Грузии и в России.

Самыми ранними переводчиками Бараташвили были Тхоржевские (Иванда-Марья), В. Л. Величко и В. Лесеведа, печатавшие свои переводы из грузинских поэтов, в том числе и Бараташвили, помимо тбилисской русской периодической печати, в «Вестнике иностранной литературы». Затем к ним присоединились переводчики: Леван Кипиани, Софья Амираджиби, Ал. Рчеулишвили и др.

Дореволюционные переводчики Бараташвили всё свое внимание сосредоточивали на более или менее точном воспроизведении образов и мыслей подлинника. Но и в этом они редко достигали цели; часто отклонялись от оригинала, дополняя текст и нередко украшая перевод собственными художественными средствами. В их переводах не чувствуется ни литературная манера поэта, ни его стиль, часто изменялась интонация стихов.

Преимуществом из всех дореволюционных переводчиков, на наш взгляд, следует считать Тхоржевских, которые в меру своих поэтических возможностей дали все же наиболее, по тем временам, грамотные переводы. Вообще же говоря, дореволюционные переводы поэтического наследия Бараташвили, ни в какой мере не удовлетворяя нашим возрастным требованиям, сохраняют ныне лишь историческое значение.

Подлинный, широкий интерес к Бараташвили, как и к другим классикам грузинской литературы, появился лишь в советскую эпоху, когда ознакомление с культурными достижениями братских народов стало уделяться огромное внимание.

Стихотворения Бараташвили в переводах на русский язык в советскую эпоху были изданы три раза. Первое издание относится к 1922 г. в Тбилиси под редакцией ныне покойного поэта Валерияна Гаприндашвили. В 1938 году в Москве в издании Государственного издательства художественной литературы вышла книга стихотворений Бараташвили в переводе русских поэтов под редакцией В. Гуськова и Симона Чиковани. В 1940 году в Ленинграде была издана книга «Грузинские романтики» в переводе русских поэтов под редакцией Н. Тихонова и Ю. Тынянова.

В издании 1922 г. перевод двадцати стихотворений принадлежал В. Гаприндашвили, использованы также дореволюционные переводы.

Издание 1938 г. кладет конец курьезности, наблюдавшейся при переводах грузинских классиков на русский язык. В названном сборнике помещены переводы таких поэтов, как М. Лозинский, С. Спасарский, П. Антокольский, Ю. Вераховский, В. Гаприндашвили и др., которые отнеслись со всей серьезностью и уважением к творчеству грузинского поэта. Но все же и их переводы ещё далеки от полноценного воспроизведения на русском языке поэтического наследия Бараташвили.

Сборник «Грузинские романтики» представляет собой первое академическое издание грузинских классиков на русском языке. Принципы перевода были выработаны на редакционных совещаниях с участием поэтов из редакций «Библиотека поэта». По вопросам передачи грузинского текста консультировал проф. К. Д. Дондуа.

Характерной чертой переводов, помещенных в сборнике «Грузинские романтики», является стремление воспроизвести все особенности оригинала, включая и ритмику подлинника.

Не имея возможности подтвердить сказанное анализом всех переводов, ограничимся анализом одного из выдающихся стихотворений Бараташвили «Сумерки на Мтацминде», что, в сущности говоря, выявляет характер переводов наследия Бараташвили в советскую эпоху.

Остановимся на переводе В. Гаприндашвили, помещенном в сборнике 1938 года. Гаприндашвили — незаурядный поэт с тонким чутьем и с большой поэтической культурой. Однако, высокопоэтический перевод Гаприндашвили по стилю, интонации и ритму явился по существу совершенно новым произведением.

О, как мечтательны, как безнадежно сирь
Убежища твои, священная гора,
Когда голубят их усталые
Звезды
И росы поздние в немые вечера.

При чтении этих стихов мы выходим из сферы поэзии Бараташвили и незаметно погружаемся в поэзию символизма. Вся лексика, все выписки как будто нарочно подобраны так, чтобы это впечатлительно не покидало читателя. Бараташвили пишет «вечер», Гаприндашвили добавляет «внемые вечера»; поэт говорит: «стоял задумчивый», переводчик — «в задумчивости»; в подлиннике: «я помню-приятное время», в переводе: «я помню миг тоски, захватный миг печали». В девятой строфе читаем:

Настала ночь, и мрак так нежил
Душу,
Тогдашних слов и дум мне не
забыть вовек.

Но я молчания святого не нарушу,
Любу тую ночь, в мечтах, как
память тайных нег.

От оригинала в переводе осталась лишь фраза второй строки. Переводчик переделал стихи на свой лад, добавив ряд новых образов, отсутствующих в оригинале.

Впечатление наше усиливается подчеркнутой напевностью, присущей переводу, как вообще стихам символизма, но совсем чуждой поэзии Бараташвили.

Сказанное не следует, конечно, понимать так, что Гаприндашвили поставил себе целью переделать стихотворение Бараташвили на лад символизма. Здесь не может быть и речи о преднамеренности. Напротив, поэт явно стремился дать точный перевод, но помимо его воли в переводе отразился стиль, к которому, как известно, он имел пристрастие.

Второй перевод стихотворения «Сумерки на Мтацминде» принадлежит Лозинскому*. Лозинский — мастер стихотворного перевода. Его особенностью является исключительное бережное отношение к тексту; с предельной возможностью он воспроизводит все изобразительные средства поэта, сохраняет интонацию оригинала, старается максимально приблизить ритм перевода к ритму подлинника, черпая из богатого поэтического ресурса русского языка соответствующие образы и выражения. Как точно и вместе с тем поэтически воспроизведен оригинал, например, в этих строках:

Чуть я увижу кусок лаури,
к тебе мгновенно летят мечты,
Но погибают в пути воздушном, не
достигая до высоты.

Или:
И ты спасешься,
ты шлешь надежду томленью
сердца, тоске ума,
Что встанет солнце,
что будет утро, что озарится
ночная тьма.

Перевод полностью сохранил эмоциональную напряженность оригинала, он и начинается тем же взволнованным восклицанием, что и оригинал:

* Налечено в сборнике «Грузинские романтики».

Моя Мтацминда, гора святая!
О, как прекрасны,
Как нелюдими и полны
думы твои откосы.

В переводе даны те же риторические обращения с повторами, что и в оригинале:

О, небо, небо, твой образ
вечный запечатленным
хранит душа!

В другом месте:
О тихий вечер, о вечер
чуждый, ты вечно
светел в моей душе!

Так же, как в оригинале, приподнятую риторику неожиданно сменяет спокойное повествование:

Все было тихо,
Ступался сумрак,
Лучи померкли и синева...

В результате сохранения всех перечисленных приемов получилось стихотворение, которое с большой силой передает интонации оригинала.

Лозинский проявляет такое же чуткое внимание к форме стиха Бараташвили. Вторая особенность перевода Лозинского заключается в максимальном приближении к ритму оригинала.

Осуществление этой задачи даётся нелегкой ценой. Ввиду существенного отличия грузинской метрики от русской классической метрики переводчику грузинских стихов на русский язык, если только он ставит себе целью воспроизведение ритма оригинала, приходится ломать метр русских стихов, в результате чего получаются стихи каландра амфиболического и хорейского, дактилического и т. д. Но воспроизведение ритма оригинала не всегда даёт положительный результат: может получиться неуклюжий, трудно произносимый и трудно воспринимаемый стих, который не только не передаёт очарования подлинника, но даже может уничтожить всю его поэтическую прелесть.

Разрешая эту задачу, Лозинский не копирует механически ритм оригинала, где невозможно в точности его воспроизвести. Он частично отклоняется от ритмического строя подлинника, не выпуская, однако, из виду основного — передать общий характер ритма оригинала. Так он и создал перевод «Сумерки на Мтацминде», по ритму максимально приближающийся к оригиналу.

Совершенно особо стоит перевод «Сумерки на Мтацминде» Бориса Пастернака*). Напрасно было бы искать в нем точности: если отдельные отрывки перевода сопоставить с соответствующими отрывками оригинала, то в иных случаях мы не найдем даже отдалённого сходства. И, несмотря на эту кажущуюся вольность, переводчик не пропустил ни одной мысли, ни одного образа оригинала, он ни разу не принёс в текст ничего от себя, что расхолилось бы с духом всего стихотворения, с писательской манерой поэта.

В сельной строфе мы читаем:
Когда мне тяжело, довольно
только взгляда
На эту гору, чтоб от сердца
отлегло.

Тут даже в облаках я
черпаю отраду
За тучами, и то легко мне
и светло.

Бараташвили весь в этих словах. Но если к переводу подойти с точки зрения буквальной точности, то мы не обнаружим сходства с оригиналом, — тут фразеология иная, слова даже совсем другие.

Прекрасно, но опять-таки по-своему дана концовка стихотворения:
Когда на сердце мочь,
Он с сумеркам души
сочувствующий знак.
Он говорит: «Не плачь,
за ночь день настанет,
И солнце вновь взойдёт.
И свет разгонит мрак».

Но разве возмущительный образ «когда на сердце мочь» или «сумерки души» не образы Бараташвили? Тут Бараташвили чувствуется несравненно сильнее, чем в нём, самом точном переводе. Несмотря на все отклонения от текста, настроение Бараташвили передано В. Пастернаком с такой силой, что мы забываем, что перед нами перевод. Такой перевод можно назвать вдохновенным. Чтобы так воспроизвести «Сумерки на Мтацминде», надо было существовать поэтом, поучившемся Бараташвили. Пастернак, безусловно, его чувствует, и в этом большое достоинство его переводов.

Доп. А. ЧХЕИДЗЕ.

* Опубликован в «Заре Востока» 30 сентября 1945 г.

